

Наследниця. Служанка арендатора

Красавица Фелисити — плод греха. В доме купца Гельвига, куда ее отдал на воспитание отец, бродячий актер, ее унижают и оскорбляют. У девочки отняли даже имя. Опекун не знал, что несчастная сиротка — наследница знатного дворянского рода... («Наследница»)

Маркус неожиданно получает в наследство большое поместье. Но ему до него мало интереса. Однажды, когда Маркус все-таки приезжает взглянуть на свои владения, он встречается с молодой девушкой Агнессой, служанкой арендатора. И покой навсегда покидает его сердце. Когда-то Маркус сказал, что даже самая прекрасная гувернантка не прельстит его. Но он все чаще думает об Агнесе и ищет встречи с той, в которую не должен был влюбиться... («Служанка арендатора»)

Саммюэла
XIX *Века*

Евгения Марлитт

Наследница
Служанка арендатора

Selänmuka
XIX *Beka*

Евгения Марлитт

Наследница.
Служанка
арендатора

Романы

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-6956-9 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Печатается по изданиям:

Е. Марлитт. Тайна старой девы (Наследница): роман / Евгения Марлитт ; пер. Е. Волковой. —
СПб. : Тип. акц. общ-ва Типографского Дела, 1873.

Е. Марлитт. Полн. собр. соч. в 20 т. / Евгения Марлитт. — СПб. : Тип. А. А. Каспари, 1914.

Перевод с немецкого *Е. Волковой*

Дизайнер обложки *Алексей Безруков*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Филиппа Алексиса де Ласло* «Портрет
Сесиль Ранкин» (1937 г.)

Красуня Фелісіті — плід гріха. У домі купця Гельвіга, куди її віддав на виховання батько, мандрівний актор, її принижують і ображають. У дівчинки забрали навіть ім'я. Опікун не знав, що бідолашна сирітка — спадкоємиця знатного дворянського роду... («Спадкоємиця»)

Маркус несподівано успадковує великий маєток. Приїхавши поглянути на свої володіння, він зустрічає юну Агнесу, служницю орендаря. І спокій назавжди покидає його серце. Колись Маркус сказав, що навіть найчарівніша гувернантка не повабить його. Але він дедалі частіше думає про Агнесу... («Служниця орендаря»)

Марлитт Е.

М28 Наследница. Служанка арендатора : романы / Евгения Марлитт ; пер. с нем. Е. Волковой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 336 с. — (Серия «Великие романистки XIX века», ISBN 978-617-12-6123-5)

ISBN 978-617-12-6274-4

Красавица Фелисити — плод греха. В доме купца Гельвига, куда ее отдал на воспитание отец, бродячий актер, ее унижают и оскорбляют. У девочки отняли даже имя. Опекун не знал, что несчастная сиротка — наследница знатного дворянского рода... («Наследница»)

Маркус неожиданно получает в наследство большое поместье. Приехав взглянуть на свои владения, он встречает юную Агнессу, служанку арендатора. И покой навсегда покидает его сердце. Когда-то Маркус сказал, что даже самая прекрасная гувернантка не прельстит его. Но он все чаще думает об Агнессе... («Служанка арендатора»)

УДК 821.112.2

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Глава 1

— Скажи мне, ради бога, куда ты едешь, Гельвиг?

— С твоего разрешения — прямо в Х.! — прозвучал упрямый насмешливый ответ.

— Но ведь по дороге туда не было никакого пригорка! Ты не в своем уме, Гельвиг... Остановись, я хочу вылезти! Я вовсе не желаю выпасть из экипажа и поломать себе кости. Да остановишься ли ты наконец?

— Я опрокину экипаж?! Ну, это было бы в первый раз за всю мою жизнь, — хотел, по-видимому, сказать правивший, но раздался страшный треск, и говоривший внезапно остановился. Послышалось фыркание, стук копыт лошади, поднимавшейся на ноги, а затем она, высвободившись из постромков, умчалась как бешеная.

— Вот те и на! — проворчал первый из говоривших, поднимаясь с мокрого свежевспаханного поля. — Гельвиг, Бём, вы живы?

— Живы! — отвечал Гельвиг, но в его слабом голосе не слышалось уже ни самонадеянности, ни насмешки.

Маленький экипаж, в котором три приятеля выехали утром из своего родного городка Х. на охоту, лежал колесами вверх возле злосчастного пригорка. Топот умчавшейся лошади давно затих, и темная ночь скрыла печальные последствия самоуверенности Гельвига.

— Не оставаться же нам тут ночевать, однако! Тронемся в путь! — напомнил уже более бодрым голосом Гельвиг.

— Разумеется, — проворчал толстяк, один из потерпевших, — я не намерен ночевать в этом логовище, придумай лишь способ выбраться на дорогу... Я не двинусь отсюда, пока не будет света! Хоть я и заполучу от этой сырости ревматизм, но все же не желаю сломать себе шею в ямах и канавах этой милой местности.

— Не говори глупостей, доктор, — сказал третий собеседник. — Не можешь же ты сидеть тут, пока мы с Гельвигом доберемся до города и вышлем тебе помощь. Я уверен, что мы можем выйти по полю на проезжую дорогу. Идем...

Толстяк проворчал что-то, но согласился с приятелями. Идти было неудобно, комья земли приставали к охотничьим сапогам. То и дело они попадали в лужи, обдававшие их жидкой грязью. Наконец путники добрались до проезжей дороги и мужественно продолжили путь.

Подходя к городу, они увидели быстро приближающийся свет, и скоро Гельвиг узнал ярко освещенное фонарем лицо своего привратника Генриха.

— Это вы, господин Гельвиг? — воскликнул тот. — А барыня уже думает, что вы разбились насмерть!

— Откуда же она знает, что с нами случилось несчастье?

— Недавно к гостинице «Лев» подъехала повозка комедиантов, а за ней шла наша лошадь. Хозяин гостиницы и привел ее к нам. Барыня очень испугалась и послала меня с фонарем искать вас, а Фридерике велела заварить ромашки.

— Ромашки?.. Ну, мне кажется, стакан глинтвейна или по крайней мере кружка пива помогли бы скорее.

— Я тоже так думаю, господин Гельвиг.

— Ну, иди вперед с фонарем. Пора нам наконец по домам!

На городской площади товарищи по несчастью молча расстались, пожав друг другу руки.

Утром на всех углах улицы были расклеены красные афиши, объявлявшие о прибытии знаменитого фокусника Орловского, и молодая женщина ходила из дома в дом, предлагая билеты на представления. Женщина была очень красива, но лицо ее было бледно как мел, и когда она изредка поднимала опущенные золотистыми ресницами веки, темно-серые глаза бросали трогательно-кроткий взгляд.

Она пришла и в дом Гельвига, самый красивый на площади.

— Барыня, — сказал Генрих, отворяя дверь в комнату нижнего этажа, — пришла жена фокусника.

— Что ей нужно? — спросил строгий женский голос.

— Ее муж дает завтра представление, и она хотела бы продать билет.

— Мы истинные христиане, и у нас нет денег на такие глупости.

Скажи ей, чтобы она уходила.

Парень затворил дверь и смущенно почесал затылок, ведь жена фокусника все слышала. Ее бледное лицо вспыхнуло, и тяжелый вздох вырвался из груди...

В это время выходявшее в холл маленькое окошечко отворилось и мужской голос попросил один билет. В руке молодой женщины очутился талер, и прежде чем она успела поднять глаза, окошко захлопнулось и задернулось зеленой занавеской. Добродушно

улыбающийся Генрих отворил входную дверь, и бедная женщина побрела дальше.

Привратник вошел в комнату своего хозяина. Это был небольшого роста старый человек с худым и бледным, но удивительно добрым лицом.

— Ах, господин Гельвиг, — сказал верный слуга, — как хорошо, что вы купили билет! На бедную женщину жалко смотреть, хоть ее муж и нечестным трудом добывает себе хлеб... Ну да ему здесь не посчастливится, помяните мое слово!

— Почему же, Генрих?

— Потому что наша лошадь пристала к их повозке, когда они въезжали в город. Это не к добру — ведь лошадь прибежала с места несчастного случая.

Не получив ответа, Генрих вышел, качая головой.

Глава 2

Зал ратуши был уже полон зрителей, а по лестнице все еще поднимались новые. Генрих тоже был в толпе и усердно работал локтями.

— Боже, если бы барыня узнала, вот была бы гроза! Барину завтра же пришлось бы идти к исповеди, — шептал он своему соседу, показывая на Гельвига, сидевшего со своим другом, доктором Бёмом, у боковой стены зала.

Программа обещала разные чудеса, а в конце ее было написано следующее:

«Шесть солдат выстрелят в госпожу Орловскую из заряженных ружей, но она одним взмахом меча рассечет в воздухе все шесть пуль».

Жители городка Х. и собрались главным образом для того, чтобы посмотреть это чудо. Все было забыто, когда на эстраде появились шестеро солдат под командой унтер-офицера — публика заволновалась, потом настала мертвая тишина.

Фокусник подошел к столу, чтобы на виду у публики проверить патроны. Он стучал молотком по каждой пуле, чтобы зрители убедились в их неподдельности, затем роздал солдатам патроны и велел заряжать ружья.

Из-за ширмы вышла его жена и стала напротив солдат. Левая рука ее была прикрыта щитом, а в правой она держала меч. Белая одежда спускалась на пол широкими складками, грудь была скрыта сияющей кирасой.

Золотистые ресницы не дрогнули, когда в мертвой тишине зала раздалась последняя команда. Послышался залп — меч со свистом рассек воздух, и половинки пуль попадали на пол.

Еще одно мгновение была видна высокая стройная фигура фокусницы, пороховой дым скрывал черты ее лица, и вдруг она покачнулась, щит и меч со звоном упали на пол, и с криком «Боже, я ранена!» женщина упала на руки подбежавшего мужа. Он унес ее за ширму и как безумный бросился к солдатам. Им было заранее приказано, заряжая ружья, вынуть пули, раскусить их пополам и держать во рту, чтобы выплюнуть эти половинки тотчас после залпа — в этом, собственно, и состоял весь фокус. Но один из солдат, неловкий крестьянский парень, совершенно смутился при виде такого

количества людей и забыл исполнить приказ: его пуля и поразила несчастную женщину.

В зале произошло смятение. Некоторые дамы упали в обморок, слышались голоса, зовущие доктора. Но доктор Бём давно уже был за ширмой у раненой. Он вышел оттуда бледный и тихо сказал Гельвигу:

— Спасенья нет. Она умирает...

Через час жена фокусника лежала на постели в гостинице «Лев». Ее вынесли из зала на диване, и Генрих помогал нести.

— Ну что, господин Гельвиг, разве я был не прав? — спросил он, проходя мимо своего барина, и две крупные слезы покатались по его щекам.

Бедная женщина тихо лежала с закрытыми глазами. Распушенные золотистые локоны спускались с постели на темный ковер. У постели стоял на коленях фокусник, и рука раненой покоилась на его голове.

— Фея спит? — еле слышно прошептала молодая женщина, с трудом открывая глаза.

— Да, — ответил муж, — дочь хозяина взяла ее к себе в комнату. Нашей дочурке там хорошо... Мета, жизнь моя!

Несчастливая подняла на мужа страдальческий взгляд.

— Яско, я умираю!

— Мета, Мета, не уходи от меня! — воскликнул он вне себя. — Ты — единственный свет на моем темном пути! Как я буду жить, когда не будет охраняющих меня глаз и сердца, полного невыразимой любви? Как я буду жить без твоего волшебного голоса, без твоей небесной улыбки? Как мне жить с сознанием, что я увлек тебя за собой и сделал несчастной? Боже, Боже!

Он тихо заплакал.

— Я хочу искупить свою вину перед тобой, Мета. Я буду честно работать для тебя в поте лица, киркой и заступом. Мы тихо и мирно поселимся в каком-нибудь глухом уголке... Мета, останься со мной, мы начнем новую жизнь!

Страдальческая улыбка мелькнула на лице умирающей.

— Яско, успокойся, будь мужествен! — прошептала она. — Ты несправедлив к самому себе... Я не была несчастна... я была так любима, и эти годы любви и счастья стоят целой жизни... Я знала, что отдаю свою руку фокуснику, и спокойно ушла с тобой из родного дома,

отрекшегося от меня из-за этой любви. Если мое счастье иногда и омрачалось, то в этом виновата я сама — я не рассчитала своих сил и малодушно страдала от твоего жалкого положения... Яско, — продолжала она еще тише, — забота о Фее мучит меня...

Она схватила его руку и привлекла ее к себе.

— Яско, — продолжала она умоляющим голосом, — расстанься с Феей — отдай ее простым хорошим людям, дай ей вырасти среди спокойной, тихой семейной жизни. Обещай мне это, мой любимый!

Муж сквозь слезы поклялся в этом умирающей. Наступила ужасная ночь, долго длилась борьба жизни со смертью, но когда заря заглянула в окно, розовые лучи ее упали на прекрасную покойницу, на лице которой уже сгладились следы последних страданий.

На третий день к вечеру похоронили жену фокусника. Сострадательные сердца покрыли ее гроб цветами, и в числе многих провожавших покойницу был и Гельвиг... Когда первые комья земли упали на гроб, фокусник покачнулся, но Гельвиг, стоявший рядом, поддержал его, отвез в гостиницу и несколько часов оставался с несчастным, отказывавшимся от всякого утешения и пытавшимся даже наложить на себя руки.

Глава 3

Наступил вечер. Резкий ноябрьский ветер мел улицы, первые снежные хлопья летели на крыши, на мостовые и на свежий могильный холм, под которым была погребена жена фокусника.

Госпожа Гельвиг сидела в столовой за маленьким столиком и вязала длинный шерстяной чулок. Это была высокая широкоплечая женщина, которой было лет за сорок. Может быть, лицо ее и было красиво когда-то, но очаровательной ее едва ли можно было назвать даже в молодости. Ее лицо казалось каменным, а серые глаза смотрели холодно. Строгий головной убор и черное платье простого фасона с белыми манжетами придавали госпоже Гельвиг вид пуританки.

Временами боковая дверь отворялась и в щели появлялось морщинистое лицо кухарки.

— Нет еще, Фридерика! — монотонно говорила каждый раз госпожа Гельвиг, не поднимая головы.

Наконец в холле послышался звонок и раздался звонкий детский голосок: «Ах, какой славный звоночек!»

Госпожа Гельвиг положила вязанье в корзиночку и встала. Недоумение сменило на ее лице выражение нетерпения. Муж подошел к ней неуверенным шагом, неся на руках маленькую девочку лет четырех.

— Я принес тебе, Бригитта... — начал было он с просьбой в голосе, но замолк, встретив взгляд жены.

— Ну? — спросила та, не шевелясь.

— Я принес тебе бедную девочку...

— Чью? — сухо прервала она.

— Несчастливого фокусника, потерявшего жену таким ужасным образом... Милая Бригитта, прими девочку ласково!

— Разумеется, только на эту ночь?

— Нет... я поклялся отцу, что ребенок вырастет в моем доме.

Белое лицо госпожи Гельвиг покраснело.

— Боюсь, что у тебя тут не все в порядке, Гельвиг, — сказала она холодно, касаясь рукой своего лба. — Я стараюсь, чтобы мой дом был храмом Господним, а ты приносишь мне дочь комедианта... Это более чем глупо!

Гельвиг вздрогнул, и его всегда добродушные глаза блеснули.

— Я не пущу в мой дом это дитя греха, дитя пропащей женщины, так очевидно постигнутой карой Божией!

— Ты так думаешь, Бригитта? Так скажи, пожалуйста, за какие грехи был наказан твой брат, застреленный на охоте неосторожным стрелком?

Вся кровь отлила от лица госпожи Гельвиг. Она смолчала и удивленно посмотрела на мужа, проявившего вдруг такую энергию.

Между тем девчурка, которую Гельвиг поставил на пол, сняла свой розовый капор, прикрывавший прелестную головку, покрытую каштановыми локонами, и принялась бродить по комнате, разглядывая новую для нее обстановку. На ней было светло-голубое шерстяное платье, украшенное вышивкой — может быть, последней работой успокоившихся рук.

Но именно это нарядное платье, свободно падающие на лобик и шейку локоны и грациозные движения ребенка возмутили суровую госпожу Гельвиг.

— Я бы и часу не потерпела около себя этой юлы, — сказала она вдруг. — Это маленькое существо с растрепанными волосами совсем не подходит к нашему строгому домашнему строю. Взять ее — значило бы отворить окно и двери легкомыслию и распушенности! Ты, конечно, позаботишься, Гельвиг, чтобы девочка была доставлена куда следует...

Она позвала кухарку и приказала ей:

— Одень ребенка, Фридерика!

— Отправляйся сейчас же в кухню! — сердито приказал кухарке Гельвиг.

Фридерика ушла в смущении.

— Ты доводишь меня до крайности своей черствостью и жестокостью, Бригитта! — воскликнул раздраженный муж. — Благодарю себя и свои предрассудки, если я наговорю тебе теперь таких вещей, каких в ином случае никогда бы не сказал! Кому принадлежит дом, который ты хочешь обратить в храм Господень? Мне... Ты вошла в этот дом бедной сиротой, но потом это забыла, и чем больше ты старалась обратить дом в храм и чем больше говорила о Боге, о христианской любви и смирении, тем более гордой и жестокосердной ты становилась... Этот дом — мой дом, и за хлеб, который мы едим, плачу я. И вот я решительно объявляю, что ребенок

останется тут... И если твое сердце слишком сухо и черство для того, чтобы почувствовать материнскую любовь к бедной сиротке, то я требую от моей жены, чтобы она, по крайней мере, позаботилась о ребенке как женщина... Если ты не желаешь потерять авторитет у прислуги, то теперь же сделай нужные распоряжения к приему ребенка, иначе эти приказания отдам я сам!

Ни одного слова не произнесли в ответ побелевшие губы госпожи Гельвиг. Другая женщина в такую минуту полного бессилия употребила бы последнее средство — слезы, но эти холодные глаза не знали слез. Она молча взяла связку ключей и вышла.

С глубоким вздохом взял Гельвиг малютку за руку и стал ходить с ней по комнате. Он вынес страшную борьбу, чтобы обеспечить родной дом этому покинутому созданию, он смертельно обидел свою жену и знал, что она никогда не простит ему горьких истин, которые он ей высказал.

Глава 4

С улицы позвонили, и Генрих ввел в комнату мальчика лет семи.

— Добрый вечер, папа! — сказал мальчик.

Гельвиг нежно поцеловал сына в лоб.

— Добрый вечер, Натаниель. Посмотри-ка на эту маленькую девочку, ее зовут Феей.

— Глупости! Как могут ее звать Феей, когда такого имени нет?

— Так звала ее мама, — мягко сказал Гельвиг. — Настоящее ее имя — Фелисита... Это бедное маленькое создание... Ее маму сегодня похоронили; она будет жить у нас, и ты будешь любить ее, как сестренку, не правда ли?

— Нет, папа, я не хочу сестренки!

И мальчик, живой портрет матери, злобно поглядел на девочку. Когда та приблизилась было к нему и с сияющим взором ухватила за игрушечную саблю, висевшую у его пояса, мальчик сердито оттолкнул ее и побежал к вошедшей матери.

— Не надо мне никакой сестры, — повторил он плаксиво. — Мама, прогони эту гадкую девочку, я хочу быть один у тебя и у папы!

Госпожа Гельвиг молча пожала плечами и стала около своего стула у накрытого стола.

— Молись, Натаниель! — приказала она. Мальчик сложил руки, как и мать, и прочел длинную предобеденную молитву. При настоящих обстоятельствах эта молитва была отвратительной профанацией прекрасного христианского обычая. Малютка ела с аппетитом. Конфеты, которые Гельвиг положил около ее тарелки, она спрятала себе в кармашек.

— Это для мамы, — сказала она доверчиво. — Она так любит конфеты, папа всегда приносит ей большие свертки.

— У тебя вовсе нет мамы! — враждебно крикнул Натаниель.

— Ну, этого-то ты не знаешь! — взволнованно возразила малютка. — У меня мама гораздо лучше, чем у тебя!

Гельвиг испуганно и робко посмотрел на жену.

— Ты позаботилась о постельке, Бригитта? — торопливо спросил он кротким просящим голосом.

— Да.

— Где же она будет спать?

— У Фридерики.

— Разве в нашей спальне ей не нашлось бы места — хоть на первое время?

— Если ты захочешь вынести постель Натаниеля, то найдется.

Возмущенный Гельвиг отвернулся и позвал прислугу.

— Фридерика, — сказал он, — эта малютка будет ночью под твоим присмотром — будь добра и ласкова с нею. Это бедная сиротка, привыкшая к ласкам доброй матери.

— Я ничего дурного не сделаю ребенку, господин Гельвиг, но я дочь честных родителей, и мне за всю жизнь не приходилось иметь дела с комедиантами. Неизвестно ведь даже, были ли эти люди обвенчаны...

— Это уж слишком! — гневно воскликнул Гельвиг. — Сегодня мне приходится убедиться, что во всем моем доме нельзя найти ни сострадания, ни милосердия! И ты думаешь, Фридерика, что можешь быть безжалостна потому, что ты дочь честных родителей? Можешь успокоиться, эти люди жили в законном браке. Предупреждаю тебя, что буду очень строг, если только замечу, что ты обижаешь ребенка.

Он встал и отнес девочку в комнату кухарки. Она послушно дала себя уложить и скоро заснула, помолившись за папу, маму, доброго дядю, который отнесет ее завтра к маме, и за «большую женщину со злым лицом».

Фридерика пришла спать поздно ночью. Она была раздражена тем, что ей пришлось долго работать, и сильно шумела в комнатке. Маленькая Фелисита проснулась, села в постельке, отбросила локоны со лба и стала испуганно озираться на закопченные стены и жалкую мебель узкой, слабо освещенной каморки.

— Мама, мама! — громко позвала она.

— Молчи, твоей матери тут нет. Спи! — ворчливо сказала раздевавшаяся кухарка.

Девчурка испуганно посмотрела на нее и тихонько заплакала.

— Ну, заревела... Только этого еще не хватало! Спи, комедиантское отродье! — и Фридерика угрожающе подняла руку. Малютка испуганно спрятала головку под одеяло.

— Ах, мама, милая мама, — шептала она, — где же ты? Возьми меня к себе в постель, я так боюсь... я буду послушной и сейчас же

засну... Я для тебя что-то спрятала, я не все съела. Или дай мне хоть твою руку, тогда я останусь в своей постельке и...

— Замолчишь ли ты, наконец! — закричала Фридерика и яростно бросилась к постели ребенка.

Девочка не шевелилась больше, только время от времени из-под одеяла слышалось сдерживаемое всхлипывание.

Старая кухарка давно спала мирным сном, а бедный ребенок все еще горевал по своей исчезнувшей маме...

Глава 5

Гельвиг был купцом. Унаследовав значительное состояние, он еще более увеличил его участием в различных промышленных предприятиях. Но по болезни довольно рано должен был оставить деловой мир и жил в своем родном городке, где его имя пользовалось большим уважением. Прекрасный сад за городом и дом на площади давно уже принадлежали семье Гельвигов. В двух верхних этажах дома окна были постоянно завешены белыми шторами, исчезающими только три раза в год — перед великими праздниками, когда все проветривалось и чистилось. Эти комнаты были необитаемы: в семье Гельвигов не в обычае было сдавать внаймы хотя бы часть дома.

Госпожа Гельвиг вступила в этот дом двенадцатилетним ребенком. Когда ее родители умерли, один вскоре после другого, и оставили детей без всяких средств, Гельвиги, ее родственники, взяли девочку к себе. Молодой девушке было нелегко жить у старой тетки, женщины строгой и гордой. Гельвиг, единственный сын тетки, сначала жалел ее, а затем это чувство перешло в любовь. Его мать была против этого выбора, но после многих неприятностей влюбленный настоял на своем и женился. Он принял угрюмую молчаливость любимой девушки за девичью робость, холодность — за нравственную строгость, упрямство — за характер и, женившись, должен был совершенно разочароваться. Очень скоро этот добродушный человек почувствовал железную власть деспотической души и там, где он надеялся встретить благодарную преданность, нашел только грубый эгоизм.

У Гельвигов было двое детей: Иоганн и маленький Натаниель, который был на восемь лет младше своего брата. Еще одиннадцатилетним ребенком Иоганна отвезли к жившему на Рейне родственнику — директору мужского пансиона.

Таково было семейное положение Гельвига, когда он взял в свой дом дочь фокусника. Ужасное происшествие, свидетелем которого он стал, глубоко потрясло его. Он не мог забыть умоляющего страдальческого взгляда несчастной матери ребенка, когда она, униженная, стояла в его холле и принимала от него талер. Его доброе сердце страдало от мысли, что, может быть, в его доме бедная женщина в последний раз почувствовала горечь своего положения. Потому-то, когда фокусник сказал ему о последней просьбе покойной, он сразу

и предложил взять к себе девочку. Только выйдя с ребенком на улицу, Гельвиг подумал об ожидающем его дома противодействии; но он рассчитывал на миловидность ребенка и на то, что у них самих не было девочки — несмотря на горький опыт, он все еще не вполне понимал характер своей жены.

В доме все шло по-прежнему. Госпожа Гельвиг по несколько раз в день обходила все комнаты, смотря, нет ли где-нибудь пылинки или паутинки. По-прежнему супруги вместе молились и вместе обедали, а по воскресеньям вместе ходили в церковь. Но злопамятная женщина с железным постоянством избегала разговоров с мужем. Она отклоняла все его попытки к сближению. Так же мало существовал для нее и новый маленький член семьи. В памятный бурный вечер она раз и навсегда приказала кухарке готовить лишнюю порцию и бросила в ее комнату несколько комплектов постельного белья. Маленький сундучок с имуществом Фелиситы был принесен из гостиницы, и Фридерика должна была отворить его при хозяйке и проверить маленькие платьица. Этим и ограничилась навязанная госпоже Гельвиг забота о дочери комедианта. Только еще один раз проявила она участие к девочке.

В то время как портниха шила Фелисите из темной материи два платьица такого же простого покроя, какой носила сама хозяйка дома, госпожа Гельвиг прижала девочку к своим коленям и до тех пор действовала щеткой, гребнем и помадой, пока ей не удалось заплести чудные локоны в две уродливые косички. Отвращение этой женщины ко всякой грации и красоте пересилило ее упрямство и твердое решение совершенно игнорировать присутствие в доме ребенка.

Но было еще горячее сердце, у которого сиротка могла искать спасения от глаз госпожи Гельвиг — глаз Медузы, — сам Гельвиг любил девочку, как своих родных детей. Правда, у него не хватало мужества выразить это открыто — весь запас своей энергии он исчерпал в знаменательный вечер, но он постоянно заботился о Фелисите. Как и Натаниель, она имела уголок в комнате своего приемного отца; там никто не мешал ей ласкать своих кукол и убаюкивать их песнями, которым она выучилась еще у своей матери. Когда Фелисите минул шестой год, она так же, как Натаниель, стала брать уроки у учителей под наблюдением отца. Как только таял снег и на клумбах появлялись крокусы и подснежники, Гельвиг ежедневно

отправлялся с детьми в свой загородный сад; там дети учились и играли, возвращаясь домой только к обеду.

Госпожа Гельвиг редко ходила в сад, который один из предков Гельвига устроил в старофранцузском стиле. Из зелени выглядывали мифологические статуи и группы в натуральную величину. Эти светлые фигуры резко выделялись на темном фоне тисовых деревьев, и прелестные обнаженные формы Флоры и Прозерпины, как и мускулистая нагота похитителя последней, тотчас же привлекали внимание входившего в сад. Они приводили в ужас госпожу Гельвиг. Сначала она властно потребовала удаления этих «греховных изображений человеческого тела», но Гельвиг спас своих любимцев, показав завещание отца, категорически воспрещающее удаление статуй. Тогда госпожа Гельвиг поторопилась окружить фигуры целым лесом вьющихся растений. В один прекрасный день Генрих по приказу хозяина с восторгом вырвал всю эту зелень, и с тех пор госпожа Гельвиг избегала посещать сад, опасаясь погубить свою душу и не желая видеть статуи, этих насмешливо улыбающихся свидетелей ее поражения. Именно поэтому сад и стал любимым местом пребывания Фелиситы. За стеной тисов находился большой луг, окаймленный ореховыми деревьями и пересекаемый шумящим мельничным ручьем. По берегам его росли густые кусты орешника, а маленькая плотина покрывалась весной полевыми цветами.

Фелисита училась неутомимо, но когда Гельвиг наконец заявлял, что ученье на сегодня окончено, она преображалась. Она могла без конца бегать по лугу, с быстротой молнии влезала на дерево, а через минуту лежала уже внизу у ручья; заложив руки под голову, она смотрела в зеленый мрак движущихся ореховых листьев и мечтала.

По небу проносились белые облачка фантастической формы — глядя на них, девочка вспоминала загадочное прошлое. Такое же белое и блестящее было платье у ее матери, спускавшееся с узкой постели и усыпанное цветами. Фелисита до сих пор удивлялась, что мать не дала ей ни одного из цветов, бывших у нее в руках; она раздумывала о том, почему ей не позволили тогда разбудить маму поцелуями, как она делала это каждое утро; она не знала, что лицо матери, всегда наклонявшееся к ней с такой нежностью, давно тлело в земле. Гельвиг не решался сказать ей правду. Хотя она, по прошествии пяти лет, уже не плакала так горько и не просила с таким

жаром отвести ее к родителям, но всегда говорила о них с трогательной нежностью и несокрушимо верила в двусмысленное обещание приемного отца, что когда-нибудь она увидит их. О профессии своего отца она тоже ничего не знала: он сам не хотел этого, и Гельвиг строго следил за тем, чтобы никто в доме не говорил с Фелиситой о прошлом. Но он не подумал о том, что давно сторожившая его смерть отдернет эту завесу. Он давно был неизлечимо болен, но, как и все легочные больные, надеялся на долгую жизнь. Его уже возили в кресле в его любимый сад, но он приписывал это временной слабости и строил планы обширных построек и путешествий. Однажды вечером доктор Бём вошел в комнату Гельвига. Больной сидел за письменным столом и усердно писал, поддерживаемый со всех сторон подушками.

— Что за выдумки? — воскликнул доктор, грозя палкой. — Черт возьми, кто позволил тебе писать? Изволь сейчас же положить перо! Гельвиг повернулся к нему с веселой улыбкой.

— Вот тебе и еще пример, — сказал он насмешливо. — Я всегда говорю, что между доктором и смертью есть связь... Я пишу Иоганну о маленькой Фее и меньше всего думаю теперь о смерти, но вдруг, в то время как тыходишь в дом, у меня вышла из-под пера такая фраза...

Доктор наклонился и прочел вслух: «Я высокого мнения о твоём характере, Иоганн, и потому, безусловно, поручил бы тебе заботы о вверенном мне ребенке, если бы я умер раньше, чем...»

— Баста, сегодня больше ни слова! — сказал врач, выдвигая ящик письменного стола и убирая туда неоконченное письмо. Затем он прослушал пульс больного и украдкой взглянул на два красных пятна, горевших на его резко выступающих скулах.

— Ты точно ребенок, Гельвиг! — проворчал Бём. — Стоит мне отвернуться, как ты сейчас же наделаешь глупостей.

— Ты возмутительно мучаешь меня... Вот подожди, в мае я удеру от тебя, и тогда можешь бежать за мной хоть в Швейцарию.

На следующий день окна комнаты больного в доме Гельвигов были открыты настежь. Сильный запах мускуса вырывался на улицу, и по городу ходил человек в траурном платье, извещая по поручению вдовы городские власти о том, что господин Гельвиг скончался час назад.

Глава 6

У завешенного зеленой занавеской окна, выходявшего в холл, стоял гроб с останками Гельвига, окруженными в последний раз всем блеском богатства. Массивные серебряные ручки блестели по бокам гроба, голова покойного лежала на белой атласной подушке. Рядом с ввалившимися щеками покойного благоухали только что срезанные цветы.

Фелисита пряталась в темном уголке за кадками с олеандрами и померанцевыми деревьями. Два дня она не видела своего приемного отца, и комната покойного была заперта, а теперь она стояла на коленях на холодном каменном полу и непрерывно смотрела в это чужое лицо, с которого смерть стерла выражение безграничного добродушия. Девочка присутствовала при последних минутах Гельвига, но не поняла, что с волной крови, хлынувшей у него из горла, все должно было кончиться. Он посмотрел на нее с непередаваемым выражением, когда ее выслали из комнаты. Озабоченная и взволнованная, ходила она по улице мимо открытых настежь окон комнаты больного: она знала, как остерегался он каждого дуновения ветерка, а теперь его так не берегли! Она удивилась, что вечером не затопили камина, и попросила позволения снести больному лампу и чай. Фридерика сердито крикнула ей: «Да ты что, не в своем уме или не понимаешь по-немецки? Он умер, умер!» Теперь Фелисита снова увидела его изменившимся до неузнаваемости и начала понимать, что такое смерть.

Как только холл наполнялся новым потоком любопытных, Фридерика являлась из кухни, вытирала глаза уголком передника и восхваляла добродетели покойного.

Холл постепенно опустел. Вдруг маленькая Фелисита испуганно уставилась на стеклянную дверь, которая вела во двор. На пороге появилась старая маленькая дама, поразительно похожая на Гельвига. На ней было старомодное черное платье из тяжелой шелковой материи, без всяких складок, из-под которого выглядывали крошечные ножки. Надо лбом вились аккуратно уложенные белоснежные локоны, на которые была накинута черная кружевная косынка, завязанная под подбородком.

Старушка не заметила ребенка, смотревшего на нее затаив дыхание, и подошла к гробу. Увидев лицо покойного, она невольно отшатнулась, и левая рука ее уронила на грудь покойного букетик прелестных цветов. На мгновение она закрыла лицо платком, а затем торжественно положила правую руку на холодный лоб мертвеца.

— Знаешь ли ты теперь, как все это случилось, Фриц? — прошептала она. — Да, ты теперь знаешь это, как твой отец и мать!.. Я тебя простила, Фриц, ты ведь не знал, что поступал несправедливо! Покойся мирным сном!

Она хотела так же тихо удалиться, как и пришла, но в это время дверь из столовой открылась и появилась госпожа Гельвиг. Она держала в руках грубый венок из георгин, очевидно собираясь возложить его на гроб как последний «дар любви».

Взгляды женщин встретились, и обе остановились. В глазах вдовы вспыхнул зловещий огонек, и лицо ее исказилось от злобы. Черты лица старушки также выдали глубокое волнение — казалось, она боролась с невыразимым отвращением и, победив это чувство, кротко взглянула на покойного и протянула руку госпоже Гельвиг.

— Что вам здесь нужно, тетя? — сухо спросила вдова, игнорируя движение старушки.

— Благословить его, — последовал кроткий ответ.

— Благословение неверующей не имеет силы.

— Для вечной мудрости и любви Божией жалкая форма не имеет значения — Бог слышит благословение, если оно исходит от чистого сердца.

— И от души, отягченной преступлением! — окончила госпожа Гельвиг с язвительной насмешкой.

Старушка выпрямилась.

— Не судите, — начала было она и подняла торжественно руку. — Нет... ни одно слово не нарушит больше твоего покоя... Прощай, Фриц!

Она медленно вышла во двор и исчезла за дверью, которую Фелисита всегда находила запертой.

— Дерзкая старая дева! — прошипела Фридерика, наблюдавшая это столкновение через кухонную дверь. Госпожа Гельвиг молча пожала плечами и положила венок к ногам покойника. Она еще не овладела собой: кто видел хоть раз нехорошую улыбку, опускавшую в такие

минуты углы ее рта, тот не доверял больше спокойствию этого лица. Она нагнулась над покойником, очевидно желая что-то поправить, и как будто ненароком задела букет старой дамы. Он скатился с гроба и упал к ногам Фелиситы.

Где-то пробило три часа. Несколько духовных лиц в облачении вышли в холл, из комнат появилось несколько знакомых покойного, а за ними — Натаниель с высоким худощавым юношей. Вдова телеграфировала Иоганну о смерти отца, и он приехал утром, чтобы присутствовать при погребении. Маленькая Фелисита забыла на минуту свое горе и стала с любопытством разглядывать этого любимца отца. При взгляде на умершего он закрыл глаза худой холеной рукой, но не пролил ни одной слезы, и глаз ребенка не мог заметить на этом серьезном лице никакого выражения горя, кроме необычайной бледности.

Натаниель стоял рядом с ним. Он много плакал, но горе не мешало ему толкнуть брата и что-то прошептать ему, когда он заметил Фелиситу в ее уголке. В первый раз эти глаза остановились на лице ребенка — то были холодные глаза, в которых не было ни доброжелательства, ни внутренней теплоты.

— Уйди, дитя, ты тут мешаешь, — приказал он строго, видя, что собираются закрыть гроб. Сконфуженная и испуганная Фелисита покинула свой угол и, никем не замеченная, проскользнула в комнату приемного отца.

Она горько заплакала... Ему она никогда не мешала! Она чувствовала его горячую руку на своей голове и слышала его добрый слабый голос, хрипло шептавший, как в последние дни: «Иди сюда, Фея, дитя мое, я так люблю, когда ты около меня»...

Но что это за стук? Он так странно раздавался там, где люди едва осмеливались говорить шепотом. Фелисита тихонько подняла зеленую занавеску и выглянула в холл. О ужас! Черная крышка закрывала милое лицо, и какой-то человек колотил по ней, чтобы удостовериться, крепко ли она прибита и не может ли сбросить ее рука заключенного в узком ящике, где так темно и так страшно лежать одному... Ребенок громко вскрикнул от ужаса.

Все удивленно взглянули на окно, но Фелисита заметила только большие серые глаза, строго посмотревшие на нее. Она отошла от окна и спряталась за большую темную драпировку, разделявшую комнату

на две половины. Она села на пол и со страхом смотрела на дверь, ожидая, что сейчас войдет Иоганн и с бранью выведет ее.

Она не видела, как люди подняли гроб на плечи и как ее приемный отец навсегда покинул свой дом, не видела длинного черного шествия, провожавшего покойника. На углу порыв ветра высоко поднял белые атласные ленты, свисавшие с гроба. Был ли это последний привет усопшего покинутому ребенку, которого нежная забота матери освободила из болота отцовской профессии, чтобы нечаянно бросить на пустынный негостеприимный берег?

Глава 7

Голоса в холле замолкли, и наступила тишина. Фелисита слышала, как заперли входную дверь, но не знала, что этим закончилась драма, и не смела выйти из своего уголка. Мысли с лихорадочной быстротой проносились в ее головке. Девочка думала о маленькой старушке, букет которой лежал на каменном полу и был, вероятно, растоптан. Так вот какова «старая дева», одиноко живущая под крышей заднего дома, из-за которой постоянно ссорились Генрих и Фридерика! Кухарка уверяла, что старая дева была причиной смерти своего отца. Эти рассказы всегда внушали маленькой Фелисите страх, но теперь он прошел. Маленькая старушка с добрым лицом и кроткими глазами, полными слез, не могла быть отцеубийцей. Конечно, Генрих был прав, когда, качая своей большой головой, глубокомысленно утверждал, что тут есть что-то неладное.

Прежде старая дева тоже жила в переднем доме, но ее никак нельзя было убедить не играть в воскресенье светских песен и веселых мотивов, — рассказывала кухарка, всякий раз возмущаясь. Госпожа Гельвиг тщетно грозила ей небом и адом, пока это не стало для всех невыносимым, и Гельвиг уступил жене, а старой деве пришлось поселиться под крышей. Должно быть, Гельвиг был очень сердит на старую деву, так как никогда не говорил о ней, а между тем она была сестрой его отца и сам он был так похож на нее. При мысли об этом сходстве Фелисите страстно захотелось подняться к старой деве, но она со страхом подумала о мрачном Иоганне, да и старая дева жила всегда взаперти.

В конце длинного коридора, у самой лестницы, ведущей на нижние этажи, была дверь. Натаниель сказал как-то Фелисите: «Вот где она живет!» — и закричал, стуча кулаками в дверь: «Слезай, старая ведьма», — а сам бросился бежать вниз по лестнице. Как забилося от страха сердечко маленькой Фелиситы! Она ни минуты не сомневалась в том, что из дверей выскочит ужасная женщина с большим ножом в руке и схватит ее за волосы.

Начинало смеркаться. Дверь из комнаты в холл отворилась, и слышались твердые шаги. Фелисита боязливо спряталась за занавеску: к комнате ее приемного отца подходила госпожа Гельвиг. При жизни его она никогда не переступала порога этой комнаты. Она

вошла очень быстро и заперла дверь. С торжеством оглядывала эта женщина комнату, которой она так давно избегала.

Над письменным столом Гельвига висели два прекрасных, писанных маслом портрета, мужской и женский. На последнем было изображено гордое лицо с умными и жизнерадостными глазами. Короткий лиф из белого шелка с красным, затканым золотом кушаком едва прикрывал пышную грудь и плечи. Это была мать Гельвига.

Перед этим портретом и остановилась вдова. Потом она встала на стул, сняла портрет и вынесла его из комнаты. Фелисита напряженно прислушивалась к ее шагам — она поднималась по лестнице все выше и выше, вероятно на самый чердак.

В дверях появилось испуганное лицо Генриха.

— Так и есть, Фридерика! — сказал он, обернувшись. — Это был портрет покойной матери господина Гельвига!

Старая кухарка заглянула в комнату.

— Ах ты, Боже мой, правда! — воскликнула она, всплеснув руками. — Если бы узнала про это гордая покойница — в гробу перевернулась бы, а покойный барин-то!.. Положим, она была ужасно одета, совсем голая грудь — всякому христианину стыдно и взглянуть!

— Ты думаешь? — спросил Генрих, хитро подмигивая. — Но, во-первых, наша хозяйка не может простить свекрови, что та не хотела допустить брака своего сына с этой госпожой. Во-вторых, покойница была веселая женщина, охотно принимавшая участие в развлечениях и очень любившая танцы, а в-третьих, она назвала как-то нашу хозяйку «бессердечной ханжой»... Понимаешь?

Во время этого разговора Фелисита вышла из своего убежища. Она инстинктивно чувствовала, что отныне этот грубый, но добродушный старый слуга будет ее единственной поддержкой в доме. Он ее очень любил, и главным образом благодаря его заботливому надзору ребенок оставался до сих пор в счастливом неведении своего прошлого.

— Вот ты где, Феечка! — сказал он ласково и взял ее ручонку в свою мозолистую руку. — А я-то везде искал тебя... Пойдем в людскую, тебя уж не будут сюда больше пускать, бедняжка!.. Если старые портреты удаляют, то...

Он вздохнул и запер дверь. Фелисита робко оглянулась в холле — он был пуст, там, где стоял гроб, лежали растоптанные цветы и листья.

— Где дядя? — спросила она шепотом.

— Его унесли. Но ты ведь знаешь, детка, он теперь на небе — там ему хорошо, лучше, чем на земле, — грустно ответил Генрих и ушел в город — исполнять данное ему поручение.

В людской было темно. Со времени ухода Генриха Фелисита смотрела, не отрываясь, на клочок темного неба, видневшийся над высокими крышами узкого переуллка. Там должен был быть теперь дядя. Она испуганно вздрогнула, когда вошла с лампой Фридерика и поставила на стол тарелку с бутербродом.

— Иди, дитя, и кушай — вот твой ужин! — сказала она.

Девочка подошла, но не прикоснулась к еде. Она взяла свою аспидную доску и принялась писать. Вдруг в кухне раздались быстрые шаги и в двери появилась белокурая голова Натаниеля. Фелисита вздрогнула, потому что он всегда обижал ее.

— Вот где сидит наша Фея, — сказал он. — Слушай, дрянная девчонка, где ты пропадала все время?

— В Зеленой комнате, — ответила девочка.

— Попробуй только войти туда еще раз! — сказал он угрожающе. — Там тебе не место, сказала мама... Что ты пишешь?

— Урок, заданный господином Рихтером.

— Господином Рихтером? — повторил Натаниель и быстрым движением стер все написанное. — Так ты воображаешь, что мама будет платить за твои уроки? Она сказала, что все это кончено... Ты можешь вернуться туда, откуда пришла, а потом ты станешь тем, чем была твоя мать, и с тобой сделают то же, что и с ней! — он сделал жест, будто стреляет.

Девочка смотрела на него широко раскрытыми глазами. Он говорил о ее мамочке, чего никогда еще не случалось, и то, что он сказал, было так непонятно.

— Ты совсем не знаешь моей мамы! — сказала она полувопросительно.

— Гораздо больше, чем ты! — возразил мальчик и добавил после паузы с коварным взглядом исподлобья: — Ты ведь даже не знаешь, кто были твои родители?

Девочка покачала головкой, испуганно и умоляюще посмотрела на Натаниеля — она слишком хорошо знала его, чтобы не понимать, что сейчас он огорчит ее.

— Они были комедианты! — крикнул мальчик. — Знаешь, такие же, каких мы видели на ярмарке — они кувыркаются, делают фокусы, а потом ходят кругом с тарелкой и просят милостыни!

Аспидная доска полетела на пол и разбилась вдребезги. Фелисита вскочила и как безумная бросилась мимо озадаченного мальчика в кухню.

— Он ведь лжет, он лжет, Фридерика? — спрашивала она, хватая кухарку за руку.

— Он преувеличивает, — ответила Фридерика, взволнованный вид ребенка тронул даже ее черствое сердце. — Милостыни они не просили, но комедиантами они были, это верно...

— И делали очень нехорошие фокусы! — докончил Натаниель, подходя к плите и заглядывая Фелисите в лицо — она ведь еще не плакала. — Твоя мать никогда не попадет на небо!

— Да она и не умерла еще! — воскликнула Фелисита. Ее бледные губки лихорадочно дрожали, а рука судорожно сжимала платье кухарки.

— Ну конечно, давно умерла... Покойный папа только не говорил тебе этого... Солдаты застрелили ее в зале ратуши во время неудачного фокуса.

Измученный ребенок вскрикнул. Фридерика подтвердила последние слова Натаниеля, кивнув головой, — значит, он не солгал.

В это время вернулся Генрих. Натаниель мгновенно исчез, как только на пороге появилась широкоплечая фигура дворника... У кухарки тоже заговорила совесть, и она усердно занялась чем-то около плиты.

Фелисита не кричала больше. Она оперлась руками о стену, прижалась к ним лбом и горько всхлипывала.

Генрих слышал пронзительный крик ребенка, видел, как Натаниель исчез за дверь, и сразу понял, что произошло что-то нехорошее. Не говоря ни слова, он повернул к себе девочку и заглянул в ее личико. Увидев Генриха, ребенок снова громко заплакал: «Они застрелили мою бедную мамочку, мою милую, добрую маму!»

Широкое добродушное лицо Генриха побледнело от гнева, он пробормотал какое-то бранное слово.

— Кто же тебе сказал это? — спросил он, угрожающе посмотрев на Фридерика.

Ребенок молчал, а кухарка принялась рассказывать о происшедшем, стараясь не смотреть на Генриха.

— Я тоже думаю, что Натаниелю не следовало говорить ей об этом сегодня, — произнесла она наконец. — Но все равно завтра или послезавтра барыня с ней поговорит, и безо всякой осторожности — в этом мы можем быть уверены.

Генрих отвел Фелиситу в людскую, сел рядом с ней на скамейку и постарался успокоить ее. Он осторожно рассказал ей о страшном происшествии в зале ратуши и утешил девочку тем, что, конечно, ее мама, о которой и тогда уже говорили, что она похожа на ангела, теперь на небе и каждую минуту может видеть свою маленькую Фею. Потом он нежно погладил по головке девочку, снова принявшуюся судорожно рыдать.

Глава 8

На следующее утро над городом раздавался торжественный колокольный звон. По узкой крутой улице богомольцы шли к стоящей на горе францисканской церкви. Из красивого углового дома на площади вышло маленькое существо, закутанное в черное. Никто бы не узнал под этим большим платком тонкой грациозной фигурки маленькой Фелиситы. Фридерика накинула девочке на плечи этот платок и сказала, что госпожа Гельвиг дарит ей платок по случаю траура. Затем она отворила двери и строго приказала выходящей Фелисите не садиться, как прежде, на церковную скамью семьи Гельвиг, что ее место теперь на скамьях для школьников.

Девочка взяла молитвенник и быстро обошла угол. Но тут она замедлила шаг, увидев впереди госпожу Гельвиг с сыновьями. Все прохожие низко и почтительно кланялись ей. Правда, у нее почти ни для кого не находилось доброго взгляда и она часто бессердечно обращалась с теми, кто искал помощи, а ее младший сын бил нищих детей, осмеливавшихся войти в дом, и топал на них ногами, постоянно лгал и клялся, что сказал правду — но все это ничего не значило. Вот они идут в церковь, сядут там на отдельную от остальных прихожан скамейку и будут молиться Богу, который их любит, и, конечно, попадут к Нему на небо, потому что они ведь не комедианты...

Гельвиги исчезли в церковной двери. Фелисита проводила их боязливым взглядом и проскользнула мимо открытых дверей, из которых доносились звуки органа. Сегодня она не могла молиться Богу: Он ведь не хотел ничего знать о ее бедной мамочке, Он не хотел взять ее на свое обширное голубое небо — она лежала одиноко на кладбище, и ее необходимо навестить.

Фелисита вышла из города и пошла по густым липовым аллеям, представлявшим такой удивительный контраст со старыми потемневшими городскими стенами. Как тут было тихо! Девочка пугалась звука собственных шагов — она ведь шла по запрещенному пути. Она бежала все быстрее и остановилась наконец, глубоко переводя дыхание, перед кладбищенскими воротами.

Фелисита никогда еще не была в этом тихом месте. Два больших куста бузины протягивали рядом с черной железной решеткой ворот

свои ветки, отягченные гроздьями блестящих ягод, а в стороне виднелись серые мрачные стены старой церкви.

— Кого это ты хочешь навестить, девочка? — спросил человек, который, прислонясь к двери покойницкой, курил трубку.

— Мою маму, — ответила торопливо Фелисита.

— Она уж здесь разве? А кто она была?

— Жена фокусника.

— Ах, это погибшая лет пять тому назад в ратуше?.. Она лежит вон там, около угла церкви.

Маленькая покинутая девочка стояла у могильной насыпи, покрывавшей ту, о которой она всегда мечтала. Кругом были украшенные могилы, на большинстве из них пестрели разноцветные астры. Только узкая полоса у ног ребенка поросла сухой, выгоревшей травой и пышно разросшимся пыреем, а неосторожные люди протоптали через нее тропинку. Земля осела, а вместе с ней осел и простой белый камень в ногах запущенной могилы, на котором большими черными буквами было написано: «Мета Орловская». У этого камня и села Фелисита. Тяжелая земля покрывала нежное лицо, милую фигуру в светлом атласном платье, цветы в белоснежных окоченевших руках...

— Милая мама, — шептала она, — ты не можешь меня видеть, а я тут, у тебя! И хотя Бог не хочет тебя знать — Он тебе не подарил ни одного цветочка, и ни один человек не заботится о тебе, — я тебя люблю и всегда буду приходить к тебе! Я хочу любить только тебя одну, даже Бога не хочу любить, потому что Он так строг и недобр к тебе!

Это была первая молитва ребенка на могиле умершей матери. Подул легкий ветерок, и астры закивали головками грустному ребенку, а в сухой траве раздался тихий шепот.

Фелисита не знала, сколько времени просидела в задумчивости на кладбище. Когда она вернулась домой, входная дверь не была еще заперта. Она проскользнула в холл, но тотчас же испуганно остановилась, так как дверь в комнату дяди была широко открыта и оттуда доносился голос Иоганна.

Страх перед этим жестким голосом и неумолимыми серыми глазами приковал ее маленькие ножки к полу — она никак не могла пройти мимо двери.

— Ты совершенно права, мама, — говорил Иоганн, — лучше всего было бы пристроить это маленькое несносное существо в какую-нибудь порядочную семью ремесленника. Но папа говорит в этом неоконченном письме, что он ни за что не отпустит ребенка из своего дома и поручает мне заботы о нем. Я не хочу критиковать образ действий моего отца, но если бы он знал, как невыразимо противен мне тот класс людей, из которого происходит ребенок, он избавил бы меня от этого опекуинства.

— Ты не знаешь, чего ты от меня требуешь, Иоганн! — с досадой возразила вдова. — В продолжение пяти долгих лет я была вынуждена молча терпеть около себя это покинутое Богом создание — я не могу больше!

— Тогда нам не остается другого выхода, как искать отца ребенка при помощи объявлений.

— Много толку выйдет из этого! — с саркастическим смехом заметила госпожа Гельвиг. — Он благодарит Бога, что отделался от лишнего рта! Доктор Бём сказал мне, что, насколько ему известно, этот человек писал только один раз, и то давно. Неужели ты захочешь, чтобы мы продолжали еще столько лет платить за это совершенно чужое нам существо? Она берет уроки французского языка, рисования...

— Нет, это мне и в голову не приходит! — живо прервал ее Иоганн. — Современное женское воспитание приводит меня в ужас... Таких женщин, как ты, женственных, настоящих христианок, никогда не переступающих поставленных им границ, скоро придется искать... Приучи девочку к домашним работам и заставь ее подчиняться. Я совершенно полагаюсь на тебя в этом деле. С твоей сильной волей...

В это время дверь отворилась еще шире и из комнаты выскочил Натаниель, вероятно заскучавший во время этого разговора. Фелисита прижалась к стене, но он увидел ее и бросился к ней, как хищная птица.

— Не прячься, это не поможет! — сказал он и так сильно сжал ей руку, что она вскрикнула. — Ты пойдешь сейчас к маме и расскажешь ей содержание проповеди! Что, не можешь? Ты не была на скамьях для школьников, я нарочно смотрел... А какой у тебя вид! Мама, посмотри-ка на это платье!

Он потащил упиравшуюся девочку к двери.

— Войди, дитя! — приказал Иоганн, стоявший посреди комнаты и еще державший в руках письмо отца.

Фелисита нерешительно переступила порог. На изысканном черном костюме стоявшего перед ней юноши не было ни пылинки, сорочка сияла ослепительной свежестью. Он постоянно приглаживал рукой волосы, и без того лежавшие очень аккуратно.

— Где ты так запачкалась? — спросил он, с отвращением показывая на платье девочки.

Фелисита робко взглянула вниз — действительно, платье ее было сильно запачкано. Став на колени у могилы, она не обратила внимания на росу и не подумала о том, что на черном платье останутся заметные следы... Она стояла молча, с опущенными глазами.

— Что же, ответа нет? По твоему лицу видно, что у тебя совесть нечиста — ты не была в церкви?

— Нет, — откровенно сказала девочка.

— Где же ты была?

Она молчала. Она охотнее дала бы убить себя, чем произнесла имя матери перед этими людьми.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ